

Анна Галанина

Ты главная из вершин

Аннушка

Аннушкин дом пустоты полон,
масло в лампаде и в крест пальцы.
Не помогает, опять Воланд
смертно пугает своим вальсом.

Раз – и кукушкой поет: полночь.
Черная тень у двери – медлит...
Два – озарение. Свет? Полно,
это безумье – в глазок медный.

Три – к образам, набегу, к Богу:
– Иже еси, укажи выход!
И поклонилась Ему строго,
а чтобы понял, ушла тихо...

Шаг за порог... Тишина – вздохом,
липкий туман по пятам – дымом.
Пьяный трамвай на лету охнул,
чуть не задел... не задел... мимо...

Прыг-скок,
кругом голова...
Вдоль рельс –
красная трава.
Где свет?

И трамвая нет...
Кто здесь?
Шорохи в ответ
и смех.
Череп в полный рост...
– Здесь я
главный. Берлиоз.

Надо бежать! Ноги где? Боже...
Тени чудные вокруг бродят,
и ни души – черепа, рожи!
Крест наложить – не с руки вроде...

И завертелась – искать угол,
где бы приткнуться. Ничком надо б,
да чтобы ветер подол трогал...
И костылям бы была рада...

Дома, наверное, гроб мелкий –
без головы... Эх, туда кабы!
Бабы судачат... С гербом вилки
не прихватили б мои бабы!

И притомилась – свело щеку.
Рядом костыль... Да кому нужен?
А Берлиоз – зуб гнилой в щелку:
– Кто безголовый – всего хуже.

День, ночь...
Помнится едва –
век здесь?
А быть может, – два...
Здесь бы
хоть кукушки звук...
Мух бить
не хватает рук.

И все
мучает вопрос –
кой черт
рядом Берлиоз?

Был бы неплох, да на вид нечисть.
Книги писал, говорит, злыдень –
вот оттого и мигрень лечит.
И Самого, говорит, видел...

Тянет извечно одну песню:
– Головы – дрянь, суета, ругань,
поговорить по душам не с кем.
Аннушка, будь мне хоть ты другом.

Знаешь, когда меня пьет Воланд,
я упускаю момент. Странно,
словно есть голос, да нет слова...
Я бы иначе писал, Анна!

Брови ссутулит... Обнять? Нечем...
После посмотрит вокруг хмуро
и заорет петухом певчим:
– Масло зачем разлила?! Дура!

Так – век.
Не прогнать никак.
Слов нет?
Не нашел, дурак.
Знать бы,
где тот божий свет,
а здесь говорят,
мол, нет...
Врут. Мне б
крест сейчас нести...
Вдруг – свет!
Господи еси...

Вальс из-за стенки... Опять вечер,
и долгожданных шагов звуки...
Муха жужжит... Да убить нечем –
смирной рубахой сплели руки.

* * *

Живешь себе, вся в себе,
не выходя из.
Несешь в себе свой Тибет,
вверх по нему, вниз.
Ты главная из вершин,
небо тебе – твердь,
а кто-то внизу решил,
что наверху смерть,
лавины идут, грозя,
не удержать вдох.
Но там, где дышать нельзя,
может, живет Бог.

* * *

Кривая да не торная,
от пятого угла,
на все четыре стороны
дорога пролегла.
Там вороны не кормлены,
им некого жалеть,
и ждет седая, черная,
растрепанная смерть,
что мальчики кровавые
в кисельных берегах
пойдут косить на славу ей,
на совесть и на страх.

* * *

Чем закончится, не знаю.
Клетка, воля, поводок.
Бело-красно-бело знамя,
черный ворон, воронок.
Во дворах многоэтажек
песни, братство хоть на час,
или бойня, или даже
все молчат, нет больше нас.
Я не знаю, что увижу, –
тени трусов, смелых стать.
Город спит, мой город выжил,
город учится мечтать.

* * *

Час надыходзіць расправіць плечы,
час для сустрэч, развітання, час
пошуку сэнсу забытых рэчаў –
вольныя мы, ці няма ўжо нас.
За перамогамі – боль і страты,
выратаванне – і жах, і цуд.
Яснае неба над кожнай хатай,
ці мы да неба ўзнясемся тут.
Колькі мальбы ў вышыню ляцела...
Божа, глядзі – ажывае сцяг
бела-чырвона-белы. Бела-
русь падымаецца на касцях.
Кожны чацверты, трэці кожны, –
каб не загінулі тут і зноў, –
Божа магутны, пяхчотны Божа,
будзь сення побач дачок і сыноў!

* * *

Время позднее.
Звезды гроздьями
на антеннах и проводах.
На термометре – безморозие.
Межсезонная маета.
Делать нечего,
время мечется,
как безгрешие без гроша
базнадежное. Этим вечером
откровениям – дорожать.
Слышать главное,
мысли главами –
на бумагу из-под полы,
где некормленные двуглавые
медно-мелочные орлы.
Утро раннее.
Ближе дальнее,
так светает – издалека.
Бог за пазухой – так сохраннее
ныне, присно и на века.

Минск

